

- Лея! Лея! - закричал Хэн, торопливо спускаясь по трапу транспортного корабля. Он увидел, как Лею извлекли из второго шаттла и посадили на широкую платформу, заполненную солдатами, освещенную ночной тьмой на поверхности планеты.

"Хан!" - она тщетно боролась со своими похитителями, но не сдавалась. "Отпустите меня! Глупый..." Ее голос потонул в оглушительном реве Чубакки, который заметил Хана на трапе.

"Чуи!" Радостно воскликнул Хан. "Эй, большой..." Штурмовик приставил свой бластер к боку Хана, призывая его соблюдать тишину. Хан не послушался — он был просто вне себя от радости, что остался жив и невредим. Какой это был волнующий день!

Их вытащили вперед, и они оказались в центре группы солдат. Все они вздохнули с облегчением, что все выжили. Ландо присоединился к ним со связанными руками, но он не мог заставить себя встретиться взглядом с этим человеком. В этот момент Хэну было все равно, что он здесь присутствует.

"Ты тоже была на борту?" - спросила Лея, улыбаясь от уха до уха. "Как давно ты здесь?" "Ты знаешь меня, моя дорогая. Я просто не могу устоять перед очарованием этого красивого лица", - сказал он с улыбкой, приподняв брови. Лея закатила глаза, а Чубакка издал озабоченное рычание. Хан с легкостью отмахнулся от этого. "Самый освежающий сон на свете!" Командир штурмовиков обратился к ним, заявив: "Если вы не прекратите свою болтовню..." Его слова оборвались, когда по трапу спустилась более внушительная фигура, чем он мог себе представить. Черный плащ развевался вокруг фигуры на ночном ветру, и фаланга солдат стояла по стойке "смирно".

В тишине Хан осматривался по сторонам, пытаясь сориентироваться. Они стояли на большой посадочной платформе, расположенной высоко на крыше огромного монолитного сооружения. Открытая стихиям платформа была окружена четырьмя высокими шпилями, выступавшими из основания здания. Ночь была залита тысячами городских огней, их отражения размывали звезды.

Хэну не нужны были огни, чтобы узнать Корускант, свой дом, независимо от того, как часто имперцы отвоевывали и переименовывали планету. Он уже много раз видел башни издалека, с безопасного расстояния. Он никогда не ожидал увидеть их вблизи... но, с другой стороны, кто бы это сделал? Перед ними лежало легендарное величие Императорского дворца, раскинувшегося подобно посадочной площадке для собранных войск. Отполированный гранит под их ногами сверкал замысловатыми узорами из тонко инкрустированного металла, скрытыми от глаз ботинками штурмовиков.

Посреди возвышающихся сооружений, превосходящих все остальные, зритель погружался в непринужденную роскошь дворца. Это было свидетельством имперского богатства и ресурсов планеты, где экстравагантность была обычным делом, свидетельством власти и влияния, которые нельзя было игнорировать. Платформа, хотя и была просторной, составляла лишь незначительную часть обширной площади крыши большого главного дворца. По углам этого здания возвышались четыре высоких жилых павильона, каждый из которых окружали частные сады. Ночью эти павильоны были освещены, а высокие деревья мягко колыхались на ветру, кажущемся карликовыми по сравнению с огромной массой этих сооружений.

Замысловатая каменная кладка этих зданий подчеркивалась ярким светом, исходящим из зеленых садов, окружающих основания павильонов. Когда дождь попадал на массивные линзы светильников, они издавали шипящий звук и испарялись. Вейдер с непринужденной грацией прошагал по посадочной платформе, окруженный демонстрацией имперской мощи. За ним

последовала группа офицеров с мрачными лицами. На полпути через платформу он остановился, когда королевские гвардейцы в алых мундирах - личный полк императора — выстроились в две шеренги, чтобы раздвинуть ряды белых штурмовиков.

- Император, - пробормотала Лея, отступая назад, когда Хан вытянул шею, чтобы лучше видеть. Дарт Вейдер отошел на несколько шагов от имперских командиров и опустился на колени, склонив голову, исчезая в рядах солдат, все еще державшихся по стойке "смирно". У Хана участился пульс от предвкушения встречи с Императором... Император! Никто никогда не видел императора Палпатина. Правда, они, вероятно, не доживут до того, чтобы рассказать эту историю, а если и доживут, кто им поверит? Тем не менее, на сцену опустилась напряженная тишина, и ее тяжесть не ускользнула ни от кого, даже от Соло. Человек, появившийся из высоких двойных дверей южной башни, одетый в тяжелый плащ с капюшоном, казался миниатюрным и хрупким. И все же его присутствие было внушительным. Осознавая свой статус и ожидая признания, небольшая свита следовала за ним на почтительном расстоянии.

Его сопровождали четверо пожилых мужчин в роскошных красных одеждах, эффектная рыжеволосая женщина с фарфоровой кожей в черном цельнокроеном костюме военного образца и двое королевских гвардейцев. Как ни странно, несмотря на расстояние и ветер, Хан слышал постукивание сучковатой трости императора, когда тот шел. Более того, впервые за многие годы он почувствовал, что присутствие фигуры в плаще заставляет его замолчать.

Пересекая продуваемую всеми ветрами платформу, император Палпатин замедлил шаг. Подойдя к лорду Вейдеру, он не смог сдержать волнения. "Встань, встань, мой друг", - сказал он. "Твоя миссия увенчалась успехом. В этом нет никаких сомнений." Палпатин уловил намек на сдержанность и едва уловимое беспокойство в ответе Вейдера, что вызвало медленную и загадочную улыбку на его тонких, потрескавшихся губах. Он чувствовал эмоции Вейдера, но не реагировал, потому что контроль на любом уровне всегда приносил удовлетворение... особенно контроль над кем-то, обладающим способностями Вейдера.

"хорошо. Очень хорошо, - заметил Палпатин, переводя взгляд на транспорт, где по трапу спускался открытый медицинский репульсорный лифт. Его пассажир лежал без сознания, подключенный к системе внутривенного вливания. Палпатин наблюдал за приближающимся лифтом, почувствовав проблеск беспокойства, и взглянул на то место за штурмовиками, где Вейдер также заметил его. "Его спутники", - сказал он.

Палпатин нахмурился, узнав что-то знакомое в их присутствии.... "Лея Органа", - вспомнил он эту женщину по ее нечастым появлениям в суде. Ее отец, как и следовало ожидать, всегда заботился о своей дочери. Однако ее внимание было мимолетным, и она быстро вернулась к лифту. Когда-то он подумывал о том, чтобы привести ее к нему в цепях, чтобы она ответила за свои прегрешения, но теперь она едва ли заслуживала его внимания, служа только одной цели. Тем не менее, он надеялся, что она была чрезвычайно полезна для этой цели. На самом деле, у него были виды на свою мятежную принцессу.

Он лукаво улыбнулся, не сводя взгляда с главного приза. Он жаждал этого момента с тех пор, как впервые узнал о существовании Скайуокера. Он готовился к нему, предвидел его, тщательно планировал и ждал подходящего момента, чтобы нанести удар. На это требовалось время, но самые важные вещи в жизни требуют времени. Как и другие, он обладал терпением и, как и они, знал, что это произойдет, несмотря на все усилия джедая. Когда сани приблизились, он сделал три быстрых шага вперед. В одно мгновение он отбросил трость и склонился над лежащим без сознания человеком, который долгое время был источником раздражения. Пророчество о джедаях висело у него на шее, как оковы, и представляло

реальную угрозу его правлению. Он долго смотрел на юношу, склонив голову набок, вглядываясь в черты его лица, когда его веки дрогнули.

Возможно, с отдаленным пониманием, Палпатин обратился к Вейдеру с насмешкой, презрением и весельем, когда пристально посмотрел на него. "Он все еще молод, едва ли падаван. Как ему удавалось так долго ускользать от вас?" - спросил он, устремив свой темный и насмешливый взгляд на Вейдера. Его тон, обычно резкий и властный, смягчился до приглушенного бормотания: "Все, что когда-то было твоим". Вейдер хранил молчание, выражение его лица было непреклонным, он знал о намерении Палпатина посеять раздор между ним и его сыном при первой же возможности. Палпатин был осведомлен о намерениях Вейдера, как и Вейдер о намерениях Палпатина. Лорд ситхов отвернулся, удивленный непоколебимым молчанием Вейдера. Палпатин понимал, что Вейдер попытается настроить своего сына против него, но он также осознавал нетерпеливость Вейдера, что делало такую стратегию бесполезной. Вейдер продолжал служить Палпатину, как и всегда.

Когда Палпатин более пристально посмотрел на Люка, он замолчал, и в его голосе послышались нотки неудовольствия. "Ты повредил моему джедаю", - сказал он. Челюсть Вейдера выпятилась вперед, - "Его было трудно контролировать".

Палпатин ответил пренебрежительным тоном: "Он все еще джедай".

Но Вейдер настаивал: "Более того", - настаивал он, тщательно контролируя любой намек на вызов или гордость в своем голосе, продолжая служить своему хозяину.

Палпатин несколько долгих мгновений удерживал взгляд Вейдера, прежде чем с отвращением отвернуться.

- Проводите его в его покои, - наконец приказал он, обращаясь к своим спутникам.

И если у вас есть возможность, доставьте их на уровень предварительного заключения".

С этими словами он повернулся и пошел прочь, игнорируя почтительный поклон Вейдера.

Палпатин с нетерпеливым видом вошел в комнату, где его ждала новая ученица. Огненноволосая Мара Джейд следовала за ним по пятам, ее недовольство тем, что ее втянули в его планы, стало очевидным благодаря силе. Именно поэтому он вызвал ее сюда. Ее роль заключалась в том, чтобы выполнять его приказы, независимо от ее собственных желаний или предпочтений. Так было с самого начала.

В его намерения не входило возвращаться сюда сегодня, оставив его в тревожном одиночестве, поскольку он наслаждался тем, что наконец-то обладает чем-то, если не физическим, то, по крайней мере, духовным. Тем не менее, желание посетить больницу было слишком сильным, и он притворился, что ему нужно осмотреть медицинские препараты, которые еще не были готовы. По правде говоря, он ничего так не хотел, как быть там, наблюдая, как ребенок рассматривает только что приобретенную игрушку, к которой ему еще не разрешили прикасаться. Это сравнение вызвало улыбку на его бледных тонких губах. Он уже давно не испытывал таких эмоций. Жилище джедаев, сильно укрепленное, состояло из нескольких комнат огромных размеров и элегантного дизайна. Высокие деревянные панели с витиеватой резьбой скрывали сильно укрепленные двери, защищенные от взрывов, а темные стены, отполированные до блеска маслом Макассар, скрывали листы пласта, соединенные между собой и скрепленные нитями военного качества, вставленные в прочные окна, рассчитанные на взрывоустойчивость. Это была тюрьма для джедаев. Красиво оформленная и роскошно

обставленная, но все же тюрьма. Джедаи, несомненно, восприняли бы ее именно так.

Тем не менее, велась игра, и происходил обмен тонкими посланиями. В такой ситуации не было необходимости открыто бросать вызов. Были приложены все усилия, чтобы сохранить вежливость в этой встрече. Как долго это продлится, зависело от новоприбывших джедаев. Спальня, расположенная в конце трех просторных покоев, напоминала полностью оборудованное медицинское учреждение, изобилующее сканерами и другим медицинским оборудованием. Здесь никто не осмелился бы рисковать, поскольку риск неудачи был слишком велик. Насколько мне известно, Палпатин приложил немало усилий, чтобы подчеркнуть этот момент, как и лорд Вейдер.

На высокой кровати лежало бесчувственное тело джедая, к которому были подсоединены провода от медицинских приборов наблюдения, в то время как несколько практикующих врачей-людей окружили их, поворачиваясь и почтительно кланяясь, когда вошел император. Дроидов поблизости не было — Палпатин не доверял их способностям, поскольку их было трудно различить с помощью Силы, и он никогда не разрешал им находиться во дворце или жилых башнях.

- Оставьте нас, - приказал он медицинскому персоналу, продвигаясь вперед. Привыкшие к немногословности своего хозяина, они удалились, не сказав ни слова. Последним вышел молодой человек, одетый в темно-синюю форму, с темными волосами и оливковым цветом лица - Халлин, как вспомнил Палпатин его имя. Мужчина задержался, нерешительно поклонившись. - Действительно, ваше преосвященство, - согласился Палпатин, не отрывая взгляда от лица мужчины. - Лорд Вейдер сообщил мне, что вы замечательный специалист в области медицины, - заявил он. - Он очень добр, - ответил Халлин, не находя слов. Император улыбнулся. - Нет, это не так. Но ему можно доверять", - продолжил он.

При этих словах Палпатин слегка наклонился вперед, подчеркивая свою точку зрения. "Это качество я ценю превыше всего". Молодой медик кивнул, хотя невольно отступил на шаг от императора; это была естественная реакция. - Так точно, ваше превосходительство, - ответил он.

Палпатин на мгновение замолчал, его пристальный взгляд пронзил нервного молодого человека, оценивая его. Увидев больше, чем можно было ожидать, он взглянул на Джейд, все еще стоящую у двери. Подойдя ближе к врачу, он понизил голос и намеренно смягчил его в гулком зале. "Пока что ты хорошо справлялся — ты будешь вознагражден. Скайуокер представляет для меня огромную ценность. Вы будете назначены главным врачом сына лорда Вейдера, чье окружение должно быть восстановлено после его длительного отсутствия. "Вам будут предоставлены помещения во дворце как для жизни, так и для работы. Вы можете сами выбрать себе персонал, хотя за вами также будет закреплен ассистент.

На этот раз врач не стал возражать, обрадованный оказанной ему честью. Ему удалось выдать: "Благодарю вас, ваше величество". Император, прищурившись, отступил назад и заметил: "Вы осознаете важность своей новой роли? Я возлагаю на вас все свои надежды".

Палпатин ответил: "Вы не найдете меня нуждающимся", - и отпустил другого. "Будьте уверены, это не просто вопрос жизни и смерти", - добавил он. Врач низко поклонился, а Палпатин, довольный, отвернулся. Он, естественно, тщательно изучил прошлое этого человека, прежде чем принять такое решение. Было важно, что лорд Вейдер проявил к нему такое доверие, назначив его в свое ближайшее окружение и впоследствии заботясь о своем сыне. Одно дело, когда император оказывает такую честь, и совсем другое, когда он делает это после скрытых угроз. Личное признание и несколько добрых слов от монарха могли послужить основой для

преданной службы на протяжении всей жизни. Особенно в сочетании с осторожным предупреждением. Это было именно то, что Палпатин искал в своих новых джедаях — верноподданных, которые были преданы самому Палпатину и непоколебимы в своей преданности. В конечном счете мальчик подвергнет их испытанию.

Размышления об этом заставили Палпатина перевести взгляд на Мару. Она осталась у двери после ухода врача, ее каштановые волосы блестели на фоне мягких оттенков комнаты. - Только не ты, дитя, - приказал Палпатин, когда она повернулась, чтобы уйти. Едва заметная линия подбородка была единственным признаком ее недовольства, но она, по своему обыкновению, безропотно подчинилась. Палпатин подошел к возвышению, на котором стояла кровать, темное, роскошное постельное белье придавало бледность изуродованной коже мальчика. Вейдеру было нелегко сохранять самообладание в присутствии сына. Когда Мара приблизилась, Вейдер взглянул на мальчика. - Он не похож на свою мать, только на отца, - заметил Вейдер, молча признавая, что его слова были непонятны для нее. Она, конечно, не знала, кто он такой. Она просто знала, что он джедай. Палпатин, который в получении информации полагался на своего доверенного убийцу, обычно не делился с ней важными подробностями, ограничиваясь предоставлением только того, что было необходимо для выполнения ею своих обязанностей. Однако в данном случае он отклонился от своей обычной практики. Знание - сила, и Палпатин был не из тех, кто разглашает информацию без необходимости, особенно когда это может оказаться вредным. Время получения этой информации было критичным, поскольку он хотел, чтобы она пришла к определенным выводам без ее влияния. Если бы она узнала об этом раньше времени, это могло бы изменить ее представление о нем и повлиять на их будущие взаимоотношения. Мара Джейд хранила молчание, глядя на лежащего без сознания мужчину с выражением смутного безразличия. Она не была уверена в причине его присутствия здесь. Конечно, она знала, что он джедай; она наблюдала за одержимостью своего учителя тщательным планированием каждого аспекта его поимки и его растущим волнением по поводу предстоящего прибытия джедаев. Она также живо помнила жестокое обращение с другими людьми в прошлом, которые воспринимались как опасные, хотя и не для ее хозяина, которые терпели это день или два, иногда три, прежде чем ее хозяину надоедали их мучения. Затем Вейдера привлекали для тренировок или развлечений, как она часто подозревала. Однако, вряд ли это были равные условия. Она была свидетельницей того, как император побеждал джедаев по сходным причинам, с использованием светового меча или без него. Ее учитель велел ей поступить так же, но ее способности в Силе были ниже его. Тем не менее, определенные способности можно было приобрести, и на ранних стадиях всегда отсутствовали возможности их развить, хотя в последнее время пыл лорда Вейдера начал ослабевать, поскольку встречи становились все реже и отдаленнее, а за последние несколько лет их не было. Как ни странно, она скучала по ним. Понятие раскаяния давно исчезло из ее сознания — оно не соответствовало целям ее учителя. Это не давало объяснения тому, как император обошелся с этими противниками. Вероятно, джедаи обладали чем-то, чего он желал, или, возможно, они были вовлечены в более крупную игру.

Она наблюдала за своим хозяином, который, казалось, был погружен в свои мысли, очарованный бессознательной формой. Все его внимание было сосредоточено на нем. Какие мысли пронеслись в его голове? Какие желания он лелеял?

Палпатин почувствовал исходящее от нее сильное любопытство. Он на мгновение взглянул на нее, и она тут же опустила взгляд, почтительно отводя глаза. Битва уже была выиграна, и он, удовлетворенный, вернулся к своему новоприобретенному владению.

Угроза, нависшая над всем, последнее великое предостережение Ордена джедаев, исполнение

их пророчества и личная гибель Палпатина — Сына Солнца — были преодолены. Они думали, что это будет лорд Вейдер, но Палпатин с восхитительной иронией доказал, что они ошибались. Таким образом, они, по-видимому, возлагали свои надежды на возмездие на его сына, обманывая его и манипулируя им.

Как они извратили кодекс джедаев, чтобы служить своим собственным целям во имя необходимости! И какой властью в результате обладал Палпатин! Теперь, когда он, наконец, справился с этой угрозой, он обнаружил, что не может просто уничтожить ее. Он знал, что это был его долг, он знал это без сомнения, поскольку в конце концов столкнулся с этим лицом к лицу. Но он не мог заставить себя действовать, не предприняв какой-нибудь попытки заполучить это. Очарование такой огромной власти было слишком соблазнительным, сродни тому, что было у лорда Вейдера. Действительно, разве Палпатин не всегда был намерен завладеть этой силой, независимо от того, находилась ли она в руках Вейдера или его сына? Решающим моментом было то, что он обладал этим даром, и этот юный мальчик, едва достигший совершеннолетия, мог либо исполнить пророчества о господстве ситхов, либо о равновесии джедаев, как это сделал его отец. Все планы Палпатина были воплощены в этом полувзрослом ребенке, этом недостающем звене, которое могло все разрушить, если его не контролировать. Кеноби лишил Палпатина этой возможности во время их поединка с Энакином, но теперь, благодаря Кеноби, эта возможность снова была в его руках. Какой ироничной, какой сладкой была бы награда! Но как он мог потребовать ее и подчинить своей воле?

Если бы он обладал этим даром десять лет назад, как его отец, то не было бы никаких сомнений в его верности. Но джедаи украли у него этот шанс, и как он мог теперь использовать этот разум для достижения своей цели? Он еще не знал. Потребуется время, чтобы изучить, использовать и выковать цепи, которые привяжут этот разум к нему. На него не произвели бы впечатления его возможности или положение, и тщательное изучение донесений его агентов за последние три года показало, что чем больше силы оказывалось на него, тем большее сопротивление он оказывал. Если бы требовались дополнительные доказательства, то встреча с лордом Вейдером в Облачном городе стала бы ярким примером. Он мог наделить его силой — большей, чем когда-либо обладал его отец — было ли это приманкой? Возможно, это было обещание положения, признания, беспрецедентного статуса, ресурсов и богатства. Однако, если бы он захотел чего-либо из этого, он мог бы получить это давным-давно. Одна только боль не могла поколебать его решимость, и если бы это было так, Вейдер бы уже победил. В конце концов, это была его сильная сторона.

Мальчик не поддавался бы давлению страданий; гнев лишь укрепил бы его решимость. Вейдер пытался, хотя и не осознавал этого. Палпатин был осведомлен о его стремлениях, но он понимал, что они не представляют реальной угрозы — по крайней мере, без этого ребенка. Ахиллесовой пятой Вейдера была его ненасытная жажда власти. Он стремился превзойти свое скромное происхождение и манипулировать событиями в угоду своим желаниям. Это честолюбие ослепляло его во всем остальном. Однако ему не хватало силы воли, чтобы преследовать свои цели в одиночку; оковы, сковывавшие его, были слишком прочными и глубоко укоренившимися. Таким образом, он требовал, чтобы молодой человек осуществил его планы, как умственно, так и физически, чего тот не мог сделать сам.

Тем не менее, лорд Вейдер предложил больше, чем Палпатин мог дать на Беспине. Он не отказался от своих принципов и своих товарищей. Возможно, это была его слабость — его сострадание, чуткая натура джедая, которая привела к чрезмерной заботе. Сострадание уже давно стало роковым недостатком джедаев. Осознавал ли он это? Возможно, нет; каждый совершенный им поступок демонстрировал его преданность своему делу и необходимость защищать тех, кому он сочувствовал. Его восстание, его союзники, даже учения джедаев,

которые так сильно его связывали и сдерживали. Да, сострадание внушало ему доверие, а доверие вело его по пути уязвимости. Как только он полностью осознает масштабы предательства Кеноби — глубину, до которой опустился Мастер—джедай, коварство и двуличную жестокость, которые он совершил во имя своего драгоценного Ордена, - отвернется ли он от него? Конечно, нет. Конечно, молодой человек отказался бы от всякого понятия о верности. Вместо этого Палпатин помогал противникам Кеноби назло, просто чтобы отомстить тем, кто так бессердечно использовал его. И Палпатин понимал это. Это не было преданностью, но это было началом, расколом, средством достижения цели. Он сделал шаг вперед, привлеченный этим источником силы. Молодой человек был обучен способам управления — в какой-то степени он был опытным, чего Палпатин не ожидал. Вейдер впервые столкнулся с этим молодым человеком три года назад, над Альдерааном и Явином. Вейдер утверждал, что Оби-Ван только начал свое обучение, но он был разочарован неуклюжим и неотшлифованным потенциалом, который ожидал увидеть Вейдер.

Молодой человек явно был джедаем, судя по слабой довольной улыбке, которая не могла смягчить напряженность его взгляда. Прошло много времени с тех пор, как Вейдер встречал другого джедая или кого-то, обладающего такой силой. Он понимающе усмехнулся, понимая, что на самом деле это была вся жизнь молодого человека и что прошло еще больше времени с тех пор, как у него самого была возможность испытать свои способности. Теми, у кого нет Силы, было так легко манипулировать, они демонстрировали свои эмоции, не подозревая ни о чем другом и барахтаясь в темноте. Но это было бы серьезным испытанием, поскольку джедаи воспринимали бы его намерения с такой же ясностью, с какой он воспринимал их. Со своим отцом Палпатин наслаждался роскошью времени, вкладывая годы тонких манипуляций в мальчика в раннем возрасте, культивируя связь и зависимость, которые стали нерушимыми. Однако в данном случае он не обладал таким преимуществом. Сын Вейдера уже сформировался со своими собственными убеждениями и волей, пусть и поколебленными, и он никогда не стал бы доверять так, как его отец. Тем не менее, послушание было единственным требованием. Тот факт, что Вейдер был обучен как джедай, был действительно интригующим, но это не имело долгосрочного значения. В конце концов, Вейдер уже однажды встал на путь джедаев.

Соппротивление графа Дуку темной стороне достойно восхищения, но даже у самых решительных личностей есть уязвимые места. Как только эти слабости будут выявлены и использованы, даже самая твердая решимость может рухнуть.

Как и Дуку до него, Вейдер понимал намерения Палпатина, что было отличительной чертой истинного джедая. Именно поэтому Палпатин считал выгодным поручить Вейдеру эту миссию.

Палпатину нужно было, чтобы Вейдер подвергся тщательному самоанализу своего прошлого, столкнулся лицом к лицу со своими собственными прошлыми ошибками и провалами, прежде чем представить их Скайуокеру. Поступая таким образом, Палпатин мог гарантировать, что у Скайуокера будет противник, на котором он сможет сосредоточить свой гнев и энергию, одновременно устраняя угрозу от своей собственной персоны, позволяя ему сохранить свою власть.

Трудности были неизбежны, но Палпатин не любил играть на равных. Он был не из тех, кто вовлекается в подобные игры. Палпатин снова почувствовал на себе пристальный взгляд Джейда и позволил своему лицу принять нейтральное выражение, сосредоточившись на более насущных вопросах. "Пусть они займутся этим", - проинструктировал он медицинский персонал, указывая на забинтованные остатки своей джедайской конечности.

- Сегодня вечером? Спросила Мара.

Палпатин раздраженно ответил: "Конечно, сегодня вечером".

Она знала, что он на самом деле имел в виду и почему был так нетерпелив. "Рука... постоянная?"

Он улыбнулся, давая ей прямой ответ: "Нет, моя дорогая, это навсегда, как и наш гость. Пожелай им всего наилучшего". Для моей новой ученицы меньшего не будет.

Он еще раз взглянул на ослабевшее существо, борясь с желанием разбудить его. Без сомнения, оно проявит себя, как только проснется.

"Мара, размести отряд королевской стражи за дверью вместе с дворцовой стражей. Это существо более могущественное, чем мы ожидали. Мы должны проявлять осторожность, чтобы избежать каких-либо ошибок". "Да, господин", - согласилась она. "Но замок непроницаем. Эта комната похожа на темницу, из нее невозможно выбраться..."

Он пристально посмотрел ей в глаза, и она замолчала.

- Ты останешься здесь, во дворце, на некоторое время, - продолжил он, как будто она ничего не говорила. - Твоя обязанность охранять его, пока я не сочту, что это безопасно.

Было рискованно поручать Маре это задание, поскольку только Вейдер мог по-настоящему контролировать молодого джедая. Она была компетентной и преданной, но Палпатин хотел держать Вейдера подальше от джедаев, пока тот не разберется в ситуации. До этого момента Маре Джейд была отведена определенная роль.

Мара нахмурилась, глядя на лежащую без сознания фигуру, и ее изумрудные глаза презрительно сузились. Она терпеть не могла нянчиться с детьми; это было ниже ее достоинства, особенно с теми, у кого не было потенциала для роста. Джедай, стоявший перед ней, несомненно, был одним из таких случаев, что бы ни говорил ее учитель.

"Только не этот", - заявил Палпатин с улыбкой, более оживленной, чем когда-либо за последние годы. "Этот поведет мою империю вперед, воплощая в себе все, чем мог бы стать его отец". Мара нахмурилась, в недоумении взглянув на своего наставника. - Разве ты не видишь этого? В его тоне слышались нотки вызова и разочарования одновременно. - Я знаю, что он джедай.

Он усмехнулся, удивленный ее недоверием. "Нет, дитя мое, он гораздо больше, чем это. Все подчиняется могуществу Силы". Она ждала, испытывая острое любопытство, зная, что откроется больше. Его слова были подобны удару в солнечное сплетение. "Родословная джедаев так же важна, как и твоя собственная, моя дорогая", - сказал он. "Они являются следующим шагом в эволюции, возникшим благодаря прямому вмешательству Силы — связь, превосходящая все, что джедаи когда-либо могли себе представить".

Мара взглянула на молодого человека, избитого и истекающего кровью, и пересмотрела свое впечатление о нем в свете того, что сказал ее учитель. Она прищурилась, пока Палпатин продолжал говорить, и в его словах слышался мрачный подтекст.

"Передо мной стоит непростая задача, - сказал Палпатин, - и я это чувствую". Казалось, он забыл о том волнении, которое вызывает столкновение с могущественным противником, реальной и непредсказуемой угрозой, и командование его империей казалось бледным по сравнению с этим.

Не в силах сопротивляться, Палпатин протянул руку и коснулся висков мальчика дрожащими пальцами, и на ум ему пришло смутное воспоминание — воспоминание об отце, сожженном и изуродованном на Мустафаре. Затем Палпатин провел тест, чтобы определить, выживет ли его новый ученик, Энакин. Если бы связь Энакина с Силой была серьезно нарушена из-за его травм, Палпатин больше не смог бы использовать его, оставив погибать.

Было ясно, что Палпатину не удалось победить джедаев, которые преследовали его. Если бы его собственная связь с Силой также была серьезно повреждена, как это часто бывает после тяжелых ранений, его полезности пришел бы конец. Однако этого не произошло. Несмотря на значительные потери, связь Энакина с Силой оставалась прочной, и он по-прежнему обладал большей властью, чем любой другой джедай. Более того, теперь у него была личная мотивация: Энакин разделял цель Палпатина, хотя и по другим причинам — уничтожение ордена джедаев. Действия Кеноби еще больше укрепили преданность Энакина делу Палпатина, превзойдя любое другое влияние. Неспособность Палпатина выполнить свою задачу, будь то из-за минутной слабости, вызванной состраданием, или из-за вспышки мстительной ярости, вызванной предательством, дала ему в руки самое мощное оружие, которым он когда-либо обладал, — и он воспользовался им без малейших колебаний.

И теперь, что примечательно, действия Кеноби привлекли внимание Палпатина к другому инструменту. Линия, которую он считал безвозвратно разорванной, была восстановлена, и возможность, которую он давно упустил, казалось, была в пределах досягаемости. Палпатин сделал паузу. Знал ли Вейдер? Видел ли он в сыне своего преемника? Осознавал ли он, что в своем стремлении вернуть то, что он считал своим, Вейдер создал для Палпатина возможность приблизиться к нему, уязвимость, которая позволила бы Палпатину прорвать мощную оборону молодого человека? Понимал ли Вейдер, что Палпатин пожертвует им так же охотно, как когда-то пожертвовал Дуку, чтобы заполучить Вейдера? Если так, то он хранил молчание и повиновение до самого конца. Окажется ли его сын таким же податливым, каким был сам Вейдер? Положив руку на лоб молодого человека, Палпатин расширил свое сознание и попытался дотянуться до этого источника силы. Однако он почувствовал отвращение как ментальное, так и физическое, как будто соприкоснулся с активным электрическим проводом. Потерявший сознание юноша попытался вырваться из хватки Палпатина, но император быстро подошел к нему, жестом приказывая Маре отойти назад. Несмотря на то, что он сам слегка потерял равновесие, он улыбнулся и отступил, снова положив руку на голову мальчика. Используя все свои ментальные способности, Палпатин попытался подчинить себе юношу.

Веки молодого человека дрогнули, он попытался сопротивляться, но его ослабленное состояние не позволяло использовать какую-либо форму когнитивной защиты. Это была просто инстинктивная реакция, подсознательное противодействие силам, которые были слишком разными, чтобы поддерживать контакт. Благодаря сосредоточенным усилиям Палпатина молодой человек был постепенно подавлен, его движения замедлились, пока не прекратились совсем. Палпатин был поражен непокорностью мальчика, его готовностью сражаться даже перед лицом неминуемого поражения, как будто это была инстинктивная реакция. Ему было интересно, как отреагирует мальчик, когда смирится со своим неизбежным поражением. Стал бы мальчик сопротивляться ему? Осознал ли он тщетность своей борьбы? Понял ли он, что тоже потерпит поражение в этой битве?

Сообщили ли они ему, что чем больше он боролся, тем ближе подходил к темноте, потому что бороться с огнем можно было только огнем, а пламя, дающее тепло, в то же время и пожирало? Когда мальчик, наконец, сдался, Палпатин ослабил хватку, его длинные пальцы коснулись синяка на щеке мальчика. Нужно ли ему было устранять его сейчас? Такая потеря времени...

Если бы он это сделал, то позаботился бы о том, чтобы мальчик умер достойно. Сияние славы

— достойный конец для последнего джедая. Намек на улыбку заиграл в уголках губ Палпатина, когда он размышлял об этом, вспоминая свои прежние мысли, потому что все еще оставалась надежда на искупление.

Дверь в камеру распахнулась, и Лея вскочила на ноги, на ее лице застыла маска ярости, когда она приготовилась к любой конфронтации. Вошли два имперских стражника, которых, казалось, ничуть не смутил ее вызов.

- Ты пойдешь с нами, - сказал стражник постарше, уже поворачиваясь, чтобы уйти. Лея стояла на своем и требовательно спросила: - Что стало с остальными, с кем я пришла сюда?

Охранник ответил: "Я не могу сказать. Меня послали не для того, чтобы расспрашивать о них". Выражение его лица оставалось холодным и непреклонным.

Полная решимости остаться, пока не узнает о судьбе своих товарищей, Лея сохраняла решимость, ее голос был тверд. Если бы они захотели убрать ее, им пришлось бы сделать это физически.

Один из охранников вздохнул и переглянулся со своим напарником. - Командир предупредил нас, что с вами будет непросто. Он сказал, что, если мы расскажем, куда направляемся, вы можете передумать. - Леа вопросительно приподняла бровь. "Это тот человек, который получил травму на шаттле, и которого мы возвращаем?" Получил травму... Они имели в виду Люка? Лея поднялась на ноги, и ее первоначальное неповиновение сменилось тревожным ожиданием. "Где он находится?"

- В его резиденции. Мне было приказано проводить вас туда, - ответил служитель. Предвкушая предстоящую встречу, Лея отправилась в путь, стремясь воспользоваться возможностью воссоединиться с Люком, несмотря на необычные обстоятельства. Штурмовики и сотрудники службы безопасности смотрели на нее с апатичным безразличием, пока она выходила из турболифта, преодолевая небольшое расстояние до запасного контрольно-пропускного пункта, где ее документы были тщательно проверены, прежде чем она получила доступ в дворцовый комплекс. Затем она оказалась во дворце, окруженная четырьмя штурмовиками, в то время как два офицера сопровождали ее по пустынным коридорам. Эти помещения, явно предназначенные только для военнослужащих, тем не менее, позволяли ощутить часть великолепия главного здания. Все было в точности так, как Лея помнила по своим несчастным визитам к отцу.

Уровень за уровнем военная бюрократия преисполнялась чувством собственной значимости, не обращая внимания на страдания, которые она причиняет простым людям, или, что еще хуже, не заботясь о своей способности подавить сопротивление. Она всегда презирала это место, дом зеркал и обмана. Задолго до того, как она узнала о Сопротивлении, Палпатине или политике своего отца, она возненавидела все это. Она равнодушно прошла мимо всего этого богатства, радуясь, что избавилась от него. Они прошли по запутанному маршруту, прежде чем, наконец, достигли вершины дворцового комплекса, где огромный шестиэтажный зал встретил их своим великолепием. Мраморные лестницы изящно спускались к сильно укрепленному входу, ведущему в башню, который охранялся внушительной армией.

Колоссальные помещения, украшенные высокими колоннами и сводчатыми потолками, служили связующим звеном между общественными зонами дворца и элитными жилыми башнями наверху. Этот переход был отмечен не только масштабом и роскошью, но и присутствием многочисленных охранников, которые сменили свою белую форму штурмовиков

на королевскую синюю ливрею дворца. В зале суда они облачились в темно-алые мундиры, предназначенные для королевской гвардии, что подчеркивало их присутствие как неотъемлемой части императорского окружения. По мере того как они продвигались вперед, она мысленно просматривала список — едва ли насчитывающий дюжину пунктов — и начала сомневаться, действительно ли она встретит Люка, учитывая роскошную обстановку.

Наконец, они остановились перед величественными двойными дверями огромной частной резиденции в западной башне. Она попыталась сориентироваться в пространстве, но это оказалось непросто. Помещение было просторным и впечатляюще роскошным, с величественным, вымощенным мрамором коридором, достаточно большим, чтобы вместить драгоценный полет сокола, не причинив ему никакого ущерба. Это было необычное и хорошо обставленное помещение, но она затаила дыхание, не зная, кто может занимать столь привилегированное положение в окружении императора. Стройная, гибкая фигура с каштановыми волосами вышла из помещения, которое, по-видимому, было крылом для персонала, примыкающим к главной двери апартаментов. Она обладала поразительной красотой, у нее были огненно-рыжие волосы, фарфоровая кожа и нежный румянец на щеках. Ее рубиново-красные губы оттенялись блестящими изумрудно-зелеными глазами, от которых исходило ощущение ледяной холодности, настороженной отстраненности, характерной для присутствующих. Ее ледяной взгляд скользнул по Лее, мгновенно оценивая ее. Лея, не дрогнув, встретила ее взгляд. Не впечатленная увиденным, женщина с каштановыми волосами повернулась к сопровождавшему Лею человеку и спросила:

- Кто это? - спросил я.

Офицер постарше ответил: "Лея Органа, командир просил о встрече с ней". Хотя на женщине не было формы, ее полномочия были очевидны.

- Когда? - спросила рыжеволосая фигура, нахмутив брови.

"Час назад", - ответил офицер постарше.

С этими словами рыжеволосая особа развернулась на каблуках и направилась по длинному центральному коридору, предоставив Лее продвигаться вперед не слишком мягким толчком сзади.

Просторный коридор переходит в круглое перекрытие внутри квартиры с высоким потолком, украшенным грандиозным стеклянным куполом, который демонстрирует изысканное сочетание замысловатых граней. Узор этого купола напоминает калейдоскоп, отражающий и преломляющий свет на геометрически расположенных плитках светлого мраморного пола, которые, в свою очередь, ведут к трем вытянутым коридорам. Каждый коридор простирается так далеко, что кажется, будто апартаменты занимают половину этажа в башне. Это роскошная резиденция, и Лею быстро проводят из комнаты в комнату, открывая за дверями просторные помещения с большими окнами, через которые проникают яркие лучи солнечного света.

За величественными приемными залами и кабинетами для занятий с темными стенами находится библиотека, стены которой от пола до потолка заставлены коллекцией старинных книг. Рядом с ним находится современная система хранения данных, занимающая целую стену и освещающая края сотен карточек данных бледно-голубым светом.

Художественные произведения и исторические артефакты небрежно расставлены на полированных столах. В апартаментах также есть конференц-залы, места для общения и

большая столовая с темными деревянными панелями ироко на стенах, полом из репейного вяза и темными полосами даррика на потолке.

За общим фасадом этих апартаментов находится анфилада частных комнат. Первая комната также отделана деревянными панелями, а стены из черного дерева Макассар с замысловатой резьбой возвышаются значительно выше уровня головы. Полированная штукатурка scagliola переходит в сводчатый потолок, окрашенный в темно-красный цвет. Этот цвет отражается в мраморном полу с инкрустацией, который имеет глянцевые черные прожилки и дымчато-кремовый оттенок. Медные вставки создают широкие, плавные линии по всему пространству.

В этих уютных помещениях невероятное богатство выставлено напоказ без какого-либо намерения произвести впечатление. Скорее, это просто отражение привычного отношения жителей к роскоши, благодаря чему их повседневный достаток кажется комфортным и легким, намекая на привилегированную жизнь.

Автоматический считыватель из полированного серебра с витиеватым узором и несколько карт памяти были небрежно оставлены с одной стороны просторного обеденного стола в отдельной обеденной зоне. Тяжелые стулья сложной работы были отодвинуты назад, как будто их владельцы только что ушли. Затем она вошла в зал с высокими потолками и арками, который поражал своими масштабами. Одна стена была украшена рядом укрепленных окон, за которыми находился глубокий балкон с каменными балюстрадами, откуда открывался непрерывный вид на сады на крыше дворца и город за его пределами. В комнате стоял высокий стеклянный книжный шкаф, заполненный книгами, размер которых соответствовал величию помещения.

Стены были украшены шелковыми лозами с темным тиснением, а на мраморном полу были искусно разбросаны плотные, тяжелые меховые ковры. Во внушительном камине потрескивал огонь, прогоняя прохладу весеннего утра. Офицеры почтительно расступились, когда она провела стройную женщину в спальню, разделенную на два этажа. На нижнем этаже она подошла к еще одному длинному ряду высоких окон, из которых открывался захватывающий вид.

В глубине огромной комнаты, на верхнем этаже, пол был устлан толстыми коврами. Ближе к ним пол переходил в открытый коридор, выложенный темным полированным камнем шоколадных и песочных оттенков. Стены были украшены изящной мозаикой из насыщенного коричневого и темно-черного терраццо.

Мебель была одновременно эстетичной и неподвластной времени, излучая отчетливо выраженную мужскую ауру. Большие массивные деревянные предметы с прочными ножками из полированной меди были тщательно обработаны и безупречны. Они были небрежно украшены безделушками и сувенирами из разных миров, что явно указывало на то, что это было очень уединенное и личное пространство. Лея бросила взгляд на внушительную кровать в центре возвышения, и ее охватило глубокое чувство неуверенности. Белоснежное постельное белье было аккуратно разложено вокруг лежащего, но угловатое металлическое медицинское оборудование, окружавшее его, казалось, не сочеталось с органичной атмосферой помещения. Не желая идти дальше, она слегка вытянула шею... и тут ее осенило. Ноги сами понесли ее вперед, и голос ее дрогнул от узнавания. - Люк? - позвал я. - воскликнула она, мгновенно оказавшись рядом с ним. Ее рука нежно легла ему на плечо в знак ободрения, надеясь разбудить его. В глубине души она понимала, что попытка тщетна, но, тем не менее, нежно откинула пряди волос, упавшие ему на глаза. В ответ его веки слегка дрогнули, что побудило ее спросить: "Что они с тобой сделали?"

Взгляд Леи переместился на рыжеволосую фигуру, ее глаза были полны обвинения. - Избавь меня от своего праведного негодования, - сказала она. - Ты бы быстро изменил свое мнение, если бы знал столько же, сколько я, - сказала она, словно осознав, что сказала это поспешно. Затем женщина попыталась оправдать свои слова и, запинаясь, объяснила: "Он... мы... заботились о нем. Только вчера вечером он перенес третью операцию, третью после Беспина..." Пока Лея наблюдала за происходящим, не уверенная в намерениях женщины, в палату вошел миниатюрный темноволосый врач, размахивая медицинским инструментом. Он нахмурил брови, направляя устройство на рыжеволосого человека.

"Что это значит? Где все остальные? К кому вы обращаетесь?" Заметив Лею на койке, он подошел к ней, подняв руки. "Нет, прошу прощения. Посетители не допускаются — пока".

Лее потребовалось мгновение, чтобы узнать врача, который поспешил к ней, когда Люк потерял сознание на борту "Тысячелетнего сокола". После ухода Вейдера он был на полпути к ней. Рыжеволосая женщина вмешалась, заявив, что командир разрешил. Она остановила медика на полуслове, заставив его недоуменно перевести взгляд с женщины обратно на Люка.

- Командир? Когда это было? спросил он.

"Примерно час назад", - ответила она. "Он попросил о встрече с ним, но я не могу сказать почему". Она добавила: "Я полагаю, что он не полностью отдавал себе отчет в своих действиях, когда отдавал распоряжение".

Врач отрицал, что разговаривал с кем-либо, утверждая, что Люк оставался без сознания. Лея бросила озадаченный взгляд на женщину. Кто был этот командир? Каковы были его мотивы, когда он позволил ей увидеть Люка? Глаза женщины сузились, и она бросила взгляд на дверь, прежде чем сказать: "Подожди здесь и присмотри за ней".

Она решительно зашагала прочь, оставив Лею с чувством, что ее вполне могут вернуть в камеру без дальнейших объяснений. Она быстро оглянулась и еще раз прошептала имя Люка. Когда она коснулась рукой его щеки, он никак не отреагировал. Почувствовав на себе пристальный взгляд врача, она резко повернулась к нему спиной.

Он улыбнулся и, не смущаясь, шагнул вперед. "Прошу простить меня, но протокол - не моя сильная сторона", - сказал он. "Боюсь, это распространенная проблема среди врачей". Он сделал еще один шаг вперед, все еще улыбаясь, ожидая ответа. - Я Халлин, личный врач командира. До Леи дошло, что мужчина, стоявший перед ней, не узнал ее. Одета в гражданскую одежду, она не сразу показалась ему знакомой. Она молча смотрела на него, размышляя, был ли этот человек также врачом Люка. Какова была цель его присутствия, особенно для человека столь высокого положения? Что еще более важно, что Люк делал здесь, вдали от центра временного содержания? Это помещение не подходило даже для старшего командира. Если так, то почему Люк был здесь? Был ли он здесь для наблюдения за командиром, в то время как тот сам обратился за медицинской помощью? Лея сделала шаг вперед, намереваясь узнать больше.

- Лея, я друг Люка... мое близкое доверенное лицо, - сказал врач. - А, вы родом из дворца, - заметил он. - Я не знаю, что с вами. Лея постаралась подавить свое неудовольствие, поскольку не могла понять, как этот человек мог вообразить, что у Люка есть сообщники во дворце. Врач приподнял брови таким образом, что можно было предположить, что он шутит с ней наедине. - Вы знаете, кого вы здесь лечите? он спросил.

Лея колебалась, не зная, что ответить. Она сохраняла возмущенный тон, но ничем не выдала

своей неуверенности. "Конечно, я понимаю", - сказала она. "Я только что сказала тебе, что мы старые друзья".

Врач отступил. "Простите меня, но, боюсь, я не знаком с порядками во дворце. Протокол и все такое. Кто знает, кто знает кого?"

Подчеркивая свою королевскую и властную осанку, Лея говорила с изяществом. Если и было что-то, в чем она преуспела, так это в соблюдении формального этикета. "Я понимаю. Как он?"

Халлин шагнул вперед, все еще не понимая, кто такая Лея. Возможно, распознав ее аристократический акцент и манеру держаться, он автоматически переключился на медицинский режим.- Да... сейчас он стабилен, чувствует себя непринужденно, - заметила Лея, опустив взгляд, чтобы скрыть свое неудовольствие. Спокойно? Почему Империя хочет, чтобы ее самый желанный противник чувствовал себя спокойно? Зачем предоставлять ему роскошные, уединенные покои в Императорском дворце, двери которых остаются широко открытыми и неохраняемыми? Несколько долгих мгновений она пристально смотрела на Халлина, пытаясь осмыслить ситуацию.

Наконец, она воскликнула: "Прошу прощения, но почему он здесь?" Не желая скрывать своего недоумения, она спросила Халлина. К счастью, он совершенно неправильно истолковал ее вопрос, отвернувшись, чтобы изучить медицинские показания. - О, император приказал, чтобы Люка вернули в его покои для восстановления сил после операции. Хотя я бы предпочел, чтобы он оставался в соответствующем медицинском учреждении, что ж, с приказом не поспоришь. Вы знаете, что он долгое время отсутствовал во дворце, выполняя задание, и я предполагаю, что командир счел за лучшее для него восстановиться в привычной обстановке теперь, когда операция завершена." Император бросил многозначительный взгляд на Люка, и Лея впервые обратила внимание на его правую руку, которую теперь заменял безупречный протез. Чистая, нетронутая медицинская повязка охватывала то место, где искусственная кожа была органично соединена с его натуральной плотью. Она протянула руку, и кончики ее пальцев стало тепло, когда они коснулись протеза.

"Это невероятно совершенный протез, в котором почти столько же нервных связей, сколько в натуральной руке. Кожа идеально сочетается", - воскликнул медик, не учел одного важного момента. Лея подумала, что ему не следовало этого говорить.

- Зачем ты это сделал? - спросила она наконец.

Медик, казалось, был застигнут врасплох. "О, прошу прощения. Вы не знали?"

"Командир потерял руку в бою", - объяснил медик. Лея поняла, что дипломатия не была сильной стороной медика. "Да, я знаю об этом. Я также знаю, кто был причиной этого. Я все знаю, - ответила Лея, в ее тоне слышался гнев. Она не могла скрыть своего недовольства ответом медика, как будто Империя не несла ответственности за травму Люка. -Вы понимаете? - спросила врач, не зная, как реагировать на ее прямой вопрос. Казалось, он скептически отнесся к ее истинному пониманию.

- Вейдер обладает многими качествами, но умеренность не входит в их число, - заметила Лея.

- Да, - согласился Натан Халлин, оценив довольно эксцентричный наряд женщины. Он привык сталкиваться с самыми разными людьми в коридорах власти, но в командирских покоях обычно обитали немногие избранные. Это был первый раз с момента его прибытия, когда он столкнулся с новичком. Сегодня выяснилось, что здесь было много отклонений от нормы:

отсутствовали охранники, а обычно охраняемые двери были распахнуты настежь. Женщина могла быть еще одним военным помощником, вроде командера Джейд, которая излучала бескомпромиссную деловитость, что несколько пугало его. Тем не менее, он почувствовал себя неловко из-за того, что женщина упомянула имя Вейдера. Для него было очевидно, что личность Скайуокера была неизвестна во дворце, и император хотел, чтобы так оно и оставалось. Тем не менее, эта женщина, казалось, знала об этом. Халлин на мгновение задумалась о своей истинной близости со Скайуокером, поскольку, казалось, она так много о нем знала.

По правде говоря, Халлин мало что знал о прошлом Скайуокера, кроме того, что он узнал за последние несколько дней, в основном от командера Риса, бывшего имперского гвардейца, назначенного помощником Люка много лет назад, — и даже эта информация была засекречена. Были определенные вещи, которыми Халлину не разрешалось делиться даже с самим собой, и стало ясно, что он многое скрывает от Халлина.

"Халлин, вы можете подтвердить, что командер сегодня не проснется?" - спросил Рис, приближаясь к женщине энергичной походкой. Халлин молчал, повернувшись к экрану, чтобы просмотреть свои медицинские записи.

Разум Леи, наконец, начал понимать... командир, командир. Они обсуждали Люка! Не могло быть другого командира, который отдал бы приказ доставить ее сюда. Они говорили о Люке так, как будто он был способен отдавать приказы, как будто они были с ним знакомы. Чиновник склонил голову в военном приветствии, щелкнул каблуками и подошел к Лее.

Как было проинструктировано, Мара осталась снаружи, ожидая возвращения Амедды в операционный зал на верхнем уровне, где Палпатин наблюдал за виртуальными экранами, отображающими различные виды палат Скайуокера, в то время как Халлин занималась их пациентом.

- Ты как нельзя лучше рассчитал время, Амедда, - заметил Палпатин, когда они вошли, и поклонился в знак признательности. - Теперь посмотрим, поверит ли она нам. Ее доверие основано исключительно на нашем слове, а это не является прочным фундаментом, — ответила Амедда, внимательно изучая изображения. Мара подозрительно прищурилась, размышляя, не скрывают ли от нее чего-нибудь. Почему Палпатин приказал Амедде запретить женщине-повстанцу посещать его, когда было бы легко прервать разговор позже?

"Она разберется с этим", - с улыбкой ответил Палпатин, просматривая изображения, пока не определил местонахождение повстанца. Он нахмурился в замешательстве, когда они шли по длинным коридорам к главному дворцу и следственному изолятору, а штурмовики, одетые в белую броню, вели и сопровождали их. Один из офицеров потянулся, чтобы схватить его за руку, но Палпатин резко стряхнул его и повернулся, произнеся неслышимую тираду в адрес своих похитителей.

"Я предполагал, что мы будем вечно ждать, пока медик сообщит нам об этом", - заметил Палпатин, и в его тоне явственно слышалось веселье.

Мара отвела взгляд от экрана, обдумывая его слова. Разве они не пришли с намерением убедить принцессу-мятежницу в том, что джедай на самом деле является имперским агентом, посланным Палпатином? Что еще может означать их интерес к его имени? Ей все еще было не по себе, но ей было приказано спрятать стражников и открыть двери в их покои, представив их

как настоящие жилые помещения, а не как тщательно охраняемую тюрьму. Что, если она проснется и обнаружит, что находится посреди дворца, окруженная разъяренными мятежниками? Именно она будет отвечать за сдерживание разъяренного джедая, который может посеять хаос по всему дворцу.

Халлин сообщил, что он дважды просыпался на борту "Экзекутора" под воздействием специально разработанных успокоительных средств. Не оборачиваясь, Палпатин заметил: "Ты слишком много волнуешься", не скрывая того факта, что он мог воспринимать ее мысли, как и всегда. Она никогда не пыталась скрыть это от него, и именно поэтому он доверял ей. Он поделился с ней всем, что знал о Силе, включая технику возведения ментальных барьеров, чтобы скрыть ее знания и намерения даже от лорда Вейдера. Тем не менее, он не поделился с ней всей своей мудростью, что также способствовало его доверию к ней.

"Такой подход превосходен", - добавил ее учитель. "Немного спонтанности может помочь в достижении многого". Она не нашла бы обмана в действиях медика, потому что его и не нужно было искать. У нее была своя миссия, а у Амедды - своя. Ни один из них не нарушил бы своих обязанностей. Он даже не взглянул на нее, произнося свои последние, уверенные и властные слова. Мара никак не отреагировала. Она слышала подобные туманные угрозы с детства, когда впервые попала во дворец. Ее исключительные способности сделали ее идеальным кандидатом, соответствующим строгим стандартам Мастера.

"Но поверит ли она, что он имперский агент?" Мара задумалась. Разведка предположила, что Органа хорошо знал Скайуокера, они были знакомы много лет. Его будет нелегко убедить. "Расскажет ли она обо всем руководству Альянса?" - Спросил Амедда, привлекая к себе пытливый взгляд Мары. Улыбка императора выражала уверенность, а его ответ был достаточно расплывчатым, чтобы в равной степени удовлетворить и Амедду, и Мару. - Поначалу она, несомненно, найдет множество причин сопротивляться, но я предоставлю ей повод пересмотреть свое решение. В конце концов, она увидит правду и выступит против восстания. Ее преданность заставит ее сделать это. И правда всплывет... Скайуокер служит доказательством этого."

Мара склонила голову, уверенная, что планы ее хозяина, какими бы они ни были, со временем принесут плоды. Как и всегда.

<http://tl.rulate.ru/book/118587/4732797>